

С. С. СОВЕТОВ

**„Слово о полку Игореве“ в польском переводе
Юлиана Тувима¹**

В двух лекциях, прочитанных в Париже 12 и 16 февраля 1841 года, Адам Мицкевич подробно анализировал „Слово о полку Игореве“, приводя многочисленные примеры из древнерусского памятника. Обобщая свой анализ, он говорил: „Форма поэмы об Игоре оригинальна; ее нельзя сравнивать ни с греческой эпикой, ни с лирической поэзией нашей эпохи... Можно (только) сказать, что каждый стих этого произведения послужил темой для поэтов... Все картины взяты здесь из действительной жизни; характеры очерчены с натуры, и пока не подвергнется изменению славянская природа, поэма об Игоре будет всегда считаться национальным произведением и даже сохранит черты актуальности... Современные польские и русские поэты: Пушкин и Залеский, постоянно используют выражения, иногда даже целые обороты, как бы заимствованные из «Слова»... Поэт высказывает всеобщие чувства славянского народа тех времен: это стремление к созданию сильного, могущественного и прежде всего объединенного государства“.²

Слова Мицкевича поражают глубиной и проникновенностью идейно-художественного анализа этого величайшего памятника древнерусской письменности. Они знаменательны еще и потому, что польский поэт, впервые так подробно анализируя „Слово о полку Игореве“, способствовал популяризации его среди широких кругов интеллигенции в Западной Европе; Мицкевич выступил энтузиастом и пропагандистом древнерусской литературы на Западе. Он был совершенно прав, когда говорил об огромном влиянии „Слова“ на польскую художественную литературу.

Это влияние имело место в творчестве, например, таких крупных представителей революционного романтизма, как Юлиуш Словацкий („*Bieniewski*“, 1841, в лирических отступлениях первой песни, особенно в полемике с Богданом Залеским и в описаниях природы — „Баяновой степи“ в пятой песне и т. д.) и Северин Гоцинский (в статье „*Nowa epoka puezji polskiej*“, 1835, а также и в специальной статье, приветствовавшей перевод „Слова“, сделанный Августом Белёвским). К поэтам

---

¹ *Słowo o wyprawie Igora*. Przełożył Julian Tuwim. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył Marian Jakóbiec. Wydanie drugie zmienione. Biblioteka Narodowa, serja II, № 50, Wrocław, 1950 (2-я редакция). В дальнейшем в скобках даются страницы данного издания.

² Adam Mickiewicz. *Dzieła*. Wydanie narodowe, t. VIII (1952). Literatura słowiańska. Kurs pierwszy, półroczje I, wykład XV, стр. 173, 175, 176.

первой половины XIX века, отразившим особенно глубоко в своей поэзии содержание, образы и стиль „Слова“, относится Богдан Залеский, о котором упоминал Адам Мицкевич. Наконец, влияние „Слова“ испытали на своем творчестве такие писатели, как Август Белёвский („Pieśń o Henryku Robożnym“, 1839), Люциан Семенский („Trąby w Dnieprze“), Теофиль Ленартович („Ze starych zbroić rytmy“, 1870), а из более поздних — Станислав Выспянский и Стефан Жеромский.¹

Первым переводом „Слова о полку Игореде“ следует считать частичный перевод с иностранного языка, сделанный поэтом и легионером Киприяном Годесбским (1765—1809) и впервые изданный в Варшаве в 1821 г.² Фрагментарные переводы „Слова“ были сделаны историком права Игнатием Бенедиктом Раковецким на страницах исследования „Prawda Ruska“ (Warszawa, 1820, t. I, стр. 78—80), лексикографом Самуилом Богумилом Лице на страницах перевода из сочинения Николая Греча под названием „Kys historyczny literatury rosyjskiej“ (Warszawa, 1823, t. I, стр. 37; t. II, стр. 78—80), поэтом-романтиком Казимиром Бродзинским в статье об элегии, где был помещен дословный прозаический перевод отрывка „Плач Ярославны“ („Roczniki Towarzystwa Królewsko-warszawskiego Przyjaciół Nauk“, t. XVI, стр. 120), и Люцианом Семенским, напечатавшим в стихотворной форме отрывок из начала древнерусского памятника в журнале „Czasopismo Naukowe od Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich wydawane“ (Rok VI, 1833, zeszyt 2).

Первый полный стихотворный перевод „Слова о полку Игореде“ на польский язык принадлежал перу Августа Белёвского и появился отдельным изданием в 1833 году. Второй полный перевод был сделан Адамом Станиславом Красинским и напечатан в Петербурге в 1856 году. Третий перевод, Богдана Лэпки, появился только в 1905 году. Однако перевод Августа Белёвского, несмотря на некоторые неточности, ближе всего передавал текст оригинала и имел несравнимые с последующими переводами поэтические достоинства. Свидетельством этому может служить тот факт, что именно данный перевод со вступительной статьей и примечаниями Богдана Лэпки был переиздан вторично в 1906 году (Броды).

Наконец, в 1928 году, появляется перевод „Слова о полку Игореде“, принадлежащий перу недавно скончавшегося выдающегося польского поэта и переводчика Юлиана Тувима. Как было отмечено в советской печати, этот перевод был самым оригинальным и выразительным; пользуясь богатыми художественно-выразительными средствами польского языка, поэт сумел ярче всех передать сложность содержания „Слова о полку Игореде“ и сделать его доступным для более широких слоев современных польских читателей.⁴

¹ А. Л. Каплан. „Слова о полку Игореде“ и польские писатели XIX—XX вв. Научный бюллетень Ленинградского Государственного университета, 1946, № 11—12, „Славистические заметки“, стр. 74—78.

² П. Н. Берков считал, что К. Годесбский перевел „Слова“ из немецкого источника (см.: П. Н. Берков. 1) К библиографии западных изучений и переводов „Слова о полку Игореде“. Труды ОДРА, т. II, 1935, стр. 152; 2) Переводы „Слова“ на западноевропейские языки. Ученые записки Лен. Гос. университета, вып. 11, 1941, стр. 323 сл. — Мицкевич о „Слове“). Польский историк литературы Мариан Якубец указывает на французский оригинал: „Wstęp“ к переводу „Слова о полку Игореде“ (Biblioteka Narodowa, serja II, № 50, Wrocław, 1950, стр. LXVI). А. Обрэмбска-Яблоньская указывает на немецкий источник (см. ссылку на ее работу, стр. 268).

³ Słowo o wyprawie Igora. Przełożył Julian Tuwim. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył Aleksander Brückner. Biblioteka Narodowa, serja II, № 50, Kraków, 1928 (1-я редакция). В дальнейшем в скобках даются страницы данного издания.

⁴ С. Советов. Переводы „Слова о полку Игореде“ на польский язык. Сборник

Юлиан Тувим был талантливым переводчиком. Его перу принадлежат переводы и целого ряда других памятников русской классической и советской литературы. Русская литература дала ему возможность сблизиться с передовой русской культурой прошлого и с советской действительностью. В 1923 году появился его перевод поэмы В. В. Маяковского „Облако в штанах“.¹ Позднее, после Великой Отечественной войны, Ю. Тувим писал, что „с первого раза, и навсегда слился для меня Маяковский с Октябрьской революцией“.² Особое место в поэтическом творчестве Юлиана Тувима занимают переводы из А. С. Пушкина: „Медный всадник“, отрывки из „Евгения Онегина“. Он перевел также некоторые лирические стихотворения А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова („Современная ода“, „Гробик“ из цикла „На улице“, „Забывшая деревня“, „В столице шум, гремят витии“, „Размышления у парадного подъезда“ и мн. др.),³ а в последнее время перевел и поэму „Кому на Руси жить хорошо“. Блестящей победой Тувима явился и его перевод „Горя от ума“ А. С. Грибоедова.⁵

Известно, какое благотворное воздействие на демократические круги Польши оказал сделанный Юлианом Тувимом перевод стихотворения советского поэта М. Светлова „Гренада“ в период борьбы польских патриотов против фашизма. Не случаен также и тот факт, что именно в годы Великой Отечественной войны Юлиан Тувим обращается вторично к переводу древнейшего памятника русской поэзии — „Слова о полку Игореве“, который отражал героическое прошлое русского народа.

Сравнение двух редакций перевода свидетельствует о борьбе переводчика за правильное понимание текста, за реалистическую передачу древнерусского памятника. Следующие черты характеризуют вторую редакцию сравнительно с первоначальной.

1. Стремление к сохранению точного содержания текста, основной идеи „Слова“ (в целом и в деталях), к раскрытию так называемых „темных мест“. Например:

а) „С той же Каялы Святополк укачал отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву“.⁶

Это место в 1-й редакции (1928) передано Юлианом Тувимом:

A z tej łączki zielonej, z nad smutnej rzeki Kajały,
Kniaz Jaropołk rodzica wiołz na węgierskich rumakach,
Syn wiołz zwłoki ojcowe do świętej Zofji w Kijowie.

(Стр 15)

работ студентов научных кружков Факультета истории, языка и материальной культуры Ленинградского Государственного университета, Л., май, 1929, стр. 36—42

¹ Włodzimierz Majakowski. Obłok w spodniach. Przełożył Julian Tuwim. Wydawnictwo „Philobiblon“, Warszawa, 1923

² Julian Tuwim. Majakowski poraz pierwszy. „Odniesienie“, Warszawa, 1949, № 45, стр. 2

³ Jerdziec Miedziany. Opowiesc peterburska Aleksandra Puszkina. Przekład Juliana Tuwima. Studium Wacława Lednickiego. Warszawa, Instytut wydawniczy „Biblioteka Polska“ (1932).

⁴ См. „Dwa wieki poezji rosyjskiej“. Antologia. Ułożyli i opracowali Mieczysław Jastrun i Seweryn Pollak. Posłowiem opatrzył Leon Gomolicki. „Czytelnik“, spółdzielnia wydawnicza, 1947.

⁵ A. Gribojedow. Mądremu biada. Komedja wierszem w 4 aktach. Przełożył J. Tuwim. Państwowe wydawnictwo literatury pięknej litewskiej SRR, Wilnius, 1953, стр. 149.

⁶ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. 2-е дополн. изд., Изд. АН СССР, 1946, стр. 80 (в дальнейшем цитируется это издание). Юлиан Тувим в 1-й редакции пользовался текстом, напечатанным в книге В. Н. Перетца (Слово о полку Игореве Киев, 1926), во 2-й редакции польский поэт, повидимому, пользовался первым изданием книги А. С. Орлова, так как Мариан Якубец в предисловии ко 2-му изданию ссылается на текст А. С. Орлова (Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937).

Во 2-й редакции (1950) это же место звучит так:

I z tej łąki zielonej na węgierskich rumakach
Wiózł Swiatopółk rodzica do świętej Sofii w Kijowie.

(Стр. 14—15).

Последний вариант, конечно, значительно ближе к оригиналу; в нем нет той ненужной растянутости, какая имелась в 1-й редакции; имя „Ярополк“ заменено „Святополком“, как и в древнерусском тексте. Правда, автор не передал в точности картины всей церемонии, а именно того, что тело отца Святополка лежало на носилках, висящих между лошадей: древнерусское „полелѣя“ (повелѣя) в переводе А. С. Орлова — укачал. Это место Август Белёвский в 1833 году перевел: „С этой же Каялы Святополк взял отца и в многочисленной толпе угорских мужей ведет в Киев ко святой Софии“.¹ А Адам Сигизмунд Красинский передал это место еще более абстрактно выражением: „В угорских полях гремит песнь погребальная“.² Таким образом, передача этой картины ярче всего и реалистичнее дана у Юлиана Тувима во 2-й редакции.

б) Из рассказа о сне Святослава: „Всю ночь с вечера бесови вороны граяли; у Плесенска в предградье были в расселинах змеи и понеслись к синему морю“.³

В 1-й редакции у Тувима мы читаем:

Całą noc siwe [серые] kruki krakały,
Kijowanie ku morzu w тумани szli mgławym,
A pod Pleńskiem gdzie rów, bagna stały.

(Стр. 23—24).

Во 2-й редакции это место значительно изменено и приближается к содержанию текста, как он читается в настоящее время:

Nocą kruki krakały swe pieśni,
Pod Plesieńskiem, w podgórzu, były sanie jakoweś
I nad morze je niby zaniesli.

(Стр. 20).

Если теперь это место сравнить с предыдущими переводами, то разница в понимании текста будет огромная. Август Белёвский перевел: „... от болот Плесенска к дебрям Кисаня“ (Wyprawa Igora na Połowców, стр. 32; разрядка наша, — С. С.), т. е. как собственное имя, на основании толкования этого слова в древнерусском памятнике (по мусинпушкинскому тексту). В 1905 году Богдан Лэпки передает это же место следующим образом: „Слышу я, это тучи бесовских ворон, спустившись в Плесенске на болота, тут же осевши вплоть до оврага Сана, всю ночь без отдыха каркают и не летят к морю“.⁴ Таким образом, во 2-й редакции Юлиан Тувим стремится передать древнерусский текст как можно точнее, реалистичнее, и в значительной степени отходит от литературной интерпретации 1-й редакции.

Примером сохранения полной адекватности перевода оригиналу как в 1-й, так и во 2-й редакции может послужить описание курской кон-

¹ Wyprawa Igora na Połowców. Poemat słowiański wydany przez Augustyna Bielowskiego. Lwów, 1833, стр. 29.

² Pieśń o pulku Igora. Starosłowiański poemat z XII wieku. Przekład ks. Adama Stanisława Krasińskiego. Petersburg, 1856, стр. 11.

³ А. С. Орлов, ук. соч., Комментарии к тексту, стр. 107.

⁴ Słowo o polku Igorowie. Przekład Bohdana Łepki. Kraków, 1905, стр. 32 (Odbitka z „Sprawozdania Gimnazjum św. Jacka“, w Krakowie, 1905).

ницы; автор не сделал никаких существенных изменений во 2-й редакции по сравнению с 1-й.

2. Замена отдельных слов или целых выражений для более ясного понимания текста, для сохранения исторического колорита или более полного раскрытия значения слова. Например:

а) В 1-й редакции:

Po ziemi *skakał* wilkiem szarym
(Стр. 4)

Во 2-й редакции:

Po / emi *ganiał* wilkiem szarym
(стр. 4)

где слово *ganiać* передает ярче значение: „бегать“, „носиться“, „гоняться“, чем *skakać* — „скакать“, „прыгать“.

б) В 1-й редакции:

Ktory przed pułki *Kasozskiem*
(Стр. 4)

Во 2-й редакции:

Ktory przed pułki *czerkie k emi*
(стр. 4),

где понятие „черкесский“ гораздо более конкретно и доходчиво, чем „касожский“.¹

в) В 1-й редакции:

Szczerem polem *jedzie za* ruską ziemię.
(Стр. 8)

Во 2-й редакции:

Szczerym polem *jedzie przez* ruską ziemię
(стр. 8),

что гораздо ближе к древнерусскому тексту: „...И поехал [Игорь] по чистому полю“:

г) В 1-й редакции:

Kędy, turze, *poskoczysz, złotym błyska szłometem.*
(Стр. 13)

Во 2-й редакции:

Kędy, książę, *poskocz, czerwonym błyszczące puklerzem.*
(Стр. 12)

Последнее выражение гораздо понятнее передает русский текст: „Куда [ты], тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом поблещивая“.

д) В 1-й редакции:

A chorągiew, *kopję srebrna i proporzec purpurowy.*
(Стр. 11)

¹ „По Коршу, им. мн. Касози (вин. Касогы) — древнерусское название черкесов — соответствует осетинскому *käsar*“ (А. С. Орлов, ук. соч., стр. 90).

Во 2-й редакции:

A chorągiew białosnieżna i proporzec purpurowy,
Bunczuk krasny, drzewce w srebrze.

(Стр 10)

Эпитет „białosnieżna“ к слову „хоругвь“ более точно выражает смысл оригинала: „Красный стяг с белой хоруговью, красная челка на серебряном древке“.

е) Наконец, нельзя не привести и такого примера, где переводчик, стремясь к максимальной поэтической адекватности оригиналу, заменяет двумя строками длинный период:

В 1-й редакции:

O, lutosci, O nędzo! O, jck!'
Rozpanoszył się msciwu pohaniec!
Pod brzemieniem się ziemia ugina,
W grodach smetek, radosc uleciała,
Niewesoła nam, bracia, godzina,
Niewesoła godzina nastała!

(Стр 22)

Это растянутое, искусственно повышенное излияние чувств по поводу пленения Игоря не соответствовало сжатому описательному выражению оригинала, проникнутому чувством глубокого сожаления о случившемся событии: „Уныли у городов стены и веселье поникло“. Юлиан Тувим сделал совершенно правильно, когда во 2-й редакции изменил свой перевод, сделав описание этой картины более спокойным, эпическим, сжатым:

Niewesoła nastała godzina,
Radosc znikła, w grodach pustka głucha.

(Стр 19)

3. Стремление к более яркой и выразительной образности в передаче оригинала. Например:

а) В 1-й редакции:

Biezy Gza wilczykiem szarem, Konczak za nim gna zdyszany,
Nad Don wielki, Don szeroki, pędzą z wojskiem wściekłe chany.

(Стр 11).

Во 2-й редакции это место звучит гораздо более выразительно и к тому же ближе к оригиналу:

Biezy Konczak, tropy kładzie
Przez obszary,
Gza pomyka ku Donowi
Wilkiem szarym

(стр 11),

что вполне отвечает русскому тексту: „Гзак бежит серым волком, Кончак ему след прокладывает к Дону великому“.

б) В 1-й редакции:

I otrąbił (Oleg) wyprawę w Tmutorokanskim grodziszczu.

(Стр 14)

Во 2-й редакции:

W złotę strzemię wstępował w Tmutorakanskim grodziszczu.

(Стр 14)

Это вполне адекватно русскому тексту: „Ступает [Олег] в золотое стремя в городе Тьмуторокани“.

в) В 1-й редакции:

*Ejze, ty, Wsewołodzie, wielki ksiązę, nie gonie
Myslą tobie za bratem, a tronu ojców bronie?
Rozchlustaj Wołge wiosły i stań w bitewne szranki,
Po tynfie wtedy jence, po groszu będą branki!*

(Стр. 23)

В этом обращении к князю Всеволоду, по толкованию переводчика, древнерусский поэт как бы повелевает князю совершить то-то и то-то; отсюда ярко выраженная повелительная интонация. На самом же деле в русском тексте звучит совершенно иная интонация, выражающая совершенно другую идею, а именно: вначале идет вопросительная интонация с оттенком удивления, которая затем переходит в утвердительную интонацию, говорящую о силе и могуществе Всеволода: „Великий князь Всеволод! [неужели] и мыслью тебе не перелететь издалека, отцов золотой престол посторожить? Ведь ты можешь Волгу расплескать веслами, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был [здесь], то была бы невольница по ногате, а раб по резани“.¹ В этом синтаксическом рисунке передано нарастание патриотических чувств древнерусского поэта. Юлиан Тувим совершенно прав, когда во 2-й редакции исправляет ошибочное толкование им русского текста в 1-й редакции и таким образом делает свой перевод гораздо более выразительным в плане интонационном и адекватным в идейном смысле. Он пишет:

*Ejze, ty, Wsiewołodzie! Nie czas-li, byś podążył
Bronić ojców stolicy? Toć mocen jestes, ksiązę,
Don szłomami wyczerpać, Wołge wiosły rozkropić,
Po groszu wtedy branki, po tynfie będą chłopi!*

(Стр. 24).

Этот пример является свидетельством того, как автор-переводчик проникает глубоко в каждом отдельном случае в выражение динамики чувств и настроений южнорусского поэта и реалистически передает идейную сущность древнерусского памятника даже в его интонационной фразировке. При этом, передавая русское значение слова „раб“ (древнерусское „кощей“) словом *chłopi* (во 2-й редакции), переводчик тем самым подчеркивает социальный облик половецких пленников, которых захватил бы князь Всеволод. И это несомненно обогащает образ данного отрывка.

4. Стремление избавиться от излишней утрировки в передаче некоторых эмоциональных мест, созданной путем повторов, междометных выражений, нарочито подчеркнутой, резкой и искусственно проводимой экспрессии, не отвечающей стилю оригинала. Например;

а) В 1-й редакции мы читаем:

*Szum szumi gdzieś, drwon dzwoni gdzieś,
Co mi przed jutrznią szumi, dzwoni?
To Igor kneż, to Igor knez
Nawraca pułki, polem goni.
Ach, bo n.u. za!, ach, bo mu za!
Miłego brata Wsewołoda.*

(Стр 16).

¹ „По Дубенскому, «ногата», «резана — названия тогдашней ходячей мелкой монеты“ (А. С. Орлов, ук. соч., стр. 124).

Это стремительное словосочетание, искусственно повышенное настроение с ложным пафосом и даже с оттенком декламации совершенно не отвечали драматическому настроению древнерусского поэта: „Что [это] мне шумит, что мне звенит издалека рано перед зорями? Игорь полки оборачивает: жалко ему милого брата Всеволода“. Здесь и лирико-драматический пафос, выраженный вопросительной интонацией; здесь и эпически-описательная картина: сбор Игоря в поход; здесь, наконец, и выражение интимного чувства к брату, переданного поэтом так просто и искренно. В этом стройном сочетании трех различных стилистических моментов нашло свое реалистическое отражение искреннее чувство тревоги и любви, какое испытывал древнерусский поэт.

Польский поэт именно так и понял текст оригинала и перевел его во 2-й редакции реалистически-правдиво:

Co mi tam w dali szumi, dzwoni?
Chrzęst oręża? Tętent koni? —
Przed jutrzeńką, na nowe boje
Nawraca Igor pułki swoje,
Z odsieczą śpieszy wojewoda, —
Bo żal mu brata Wsiewołoda.

(Стр. 16).

б) В 1-й редакции мы читаем:

A Igor — *szast!* białym norem do wody.
A Igor — *hyc!* — gornostajem w szuwały.

(Стр. 38).

В этом отрывке из картины „Бегство Игоря из плена“ стремительность и динамичность Юлиан Тувим передавал путем некоторых импрессионистических приемов. Во 2-й редакции он это же место передает совершенно иначе:

A Igor — białym nurem do wody,
Gornostajem w nadbrzeżne szuwały.

(Стр. 35).

И такая передача вполне соответствовала эпически-описательной картине древнерусского оригинала: „А Игорь князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем [пал] на воду“. Таких примеров при сличении 1-й редакции со 2-й можно было бы привести много. Это, однако, не означало, что польский поэт отказывался от целого ряда таких поэтических приемов, которые были характерны для стиля древнерусского памятника, связанного со стилем русской народной речи, как, например, повторы („Wietrze! Wietrze! Czemu wiejesz tak groźnie?“), аллитерации, составляющие словесно-музыкальную оркестровку древнерусского памятника („Trąby trąbią w murach Nowogrodu“), игра синонимами и тавтологические приемы, обычно встречающиеся в народных песнях („Od żalu-troski“, „Idą płaczki, żony-żałobnice“, „mieczem-obosieczem“ и т. п.), использование песенного рефрена (как, например, в „Плаче Ярославны“) или, наконец, сохранение метафоричности древнерусского памятника („Так, одиноко выронил [он] жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье“ — „Więc samotnie-żeś z ciała chrobrego Rzucił śmierci skroś naszujnik złoty, Diamentową swą duszę w męczeństwie“). Во 2-й редакции все эти моменты нашли для себя соответствующее место, отражая стиль оригинала, а не толковались несколько произвольно польским поэтом, как это было в 1-й редакции перевода. „«Слово о полку Игоре»», — указывает А. С. Орлов, —

произведение риторическое по преимуществу. О том свидетельствует его насыщенность образными метафорами, символика и гиперболизм выражения". В другом месте он говорит: „Летописная повесть коренным образом отличается от «Слова»... пропитанного лирической страстностью и выраженного в метафорах и символах языком, исполненным ритма и музыки“.¹ Именно эти особенности древнерусского памятника и стремился передать польский поэт во 2-й редакции путем реалистического истолкования указанных мест. В связи с этим можно было бы указать много примеров того, как польский поэт работал над синтаксисом, лексикой и поэтическим стилем своего перевода с целью придать ему более ясное понимание и простоту изложения.

5. Стремление изъять свой перевод от всяких добавочных выражений и даже целых предложений, которых нет в оригинале, но которые были вставлены в 1-ю редакцию от себя в целях разъяснения какого-либо образа, понятия и т. п. Например:

а) В 1-й редакции:

Albo tak być miał, Welesa wnuku,
O, ty wieszczu z *pasterskiego* rodu.

(Стр. 17).

Во 2-й же редакции мы читаем:

Albo tak zaś piewać by przystało
O, Bojanie, z *Welesa* rodu.

(Стр. 7).

Последняя интерпретация полностью отвечала и древнерусскому оригиналу: „Или [так бы] воспеть, [о] веший Боян, Велесов внук“.

Все указанные черты, составляющие определенную систему во 2-й редакции перевода, показывают нам, какой трудный путь борьбы за реалистическую передачу содержания древнерусского текста прошел Юлиан Тувим, какую огромную работу проделал он над языком и стилем своего нового перевода, стремясь более точно передать на своем родном языке это великое творение русского поэта XII века. Поистине это достойный вклад в дело укрепления дружбы между советским и польским народами.²

¹ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 42 и 22. См. о стиле „Слова“: Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 136—144; И. П. Еремин. „Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия в Киевской Руси. Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 93—122.

² См. опубликованную в последние годы интересную статью А. Обрамбской-Яблоньской: Antonina Obrębska-Jabłońska. „Słowo o wyprawie Igora“ w przekładach polskich. Pamiętnik Literacki, 1952, Warszawa-Wrocław, Rocznik XLIII, zeszyt 1—2, стр. 408—441.